

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Фанат. Начало

Уважаемые читатели! Данный рассказ написан в жанре «не порно». Если Вам не нравятся подобные произведения — рекомендую пройти мимо. Остальным — добро пожаловать!

— Саша, не забудь одеть шарф!

Ох уж эта мама! Я уже в десятом классе, какой может быть шарф. Подумаешь — 25 на улице. Как будто сама ребенком не была. Накинув пальто и шапку-ушанку, с портфелем в одной руке я тихонько начал выскальзывать за двери на улицу. Ходить в школу особо не любил, но куда денешься. Так, бесшумно открыл дверь, просочился в подъезд, но за рукав пальто уже схватила женская рука.

— Я же сказала, шарф одень! — мама была раздражена, она опаздывала на работу, да тут ещё и я со своими «хочу, не хочу». На мою шею был водружён бело-синий шарф с каким-то чёрным, почти незаметным узором. Ну и ладно, пойду так.

Мать свою я любил, понимал, жалел. Отец бросил нас, когда мне было года 4, ушёл к молодой пассии со своей работы. Потом правда девочка его бросила и он приползал к матери на коленях, прося прощения. Не простила. Не прощает моя мама предателей, такая вот принципиальная. Зато теперь работает на двух работах, воспитателем в детском саду и у каких-то партийных деятелей полы дома моет, да уборку наводит трижды в неделю.

Я родился и вырос в Москве, в 70-х годах. Именно сейчас начиналось смутное время перемен, перестроек, переделов и развалов. Но какая мне до этого разница? Я — парень, почти восемнадцати лет отроду, у которого на уме будущая весна, Ленка из параллельного 10 «Б» и гормоны, играющие, танцующие и поющие. Зовут меня Саша, обычное такое имя, да и сам я ничего выдающегося из себя не представляю. Невысокий, худой, равнодушный к спорту, середнячок по успеваемости. В общем, девочки особо не оказывали мне знаки внимания, да я и на них сильно не засматривался. Ну разве что на Лену.

Лена... Умница, красавица, комсомолка, активистка. К ней частенько липли даже более старшие товарищи, порой даже преподавательский взгляд мужской части учителей пробежал по фигурке Лены совсем не по-отечески. Уже совсем сформировавшаяся девушка, даже в строгой школьной форме, заставляла фантазию бурлить. Грудь приподнимала фартук на приличную высоту, а в районе попы материал лежал, слегка оттопыриваясь назад. Лена участвовала везде, где только было можно. Сделать скворечник? Не вопрос. Спеть и станцевать в честь очередной годовщины победы в Великой Отечественной? Запросто. И я старался куда-то влезть, чтобы быть иногда поближе к предмету своего тайного обожания. Но, если Лене давали в основном ведущие роли на всех мероприятиях, то мне в основном доставались эпизодические или вовсе «принеси-подай». Ну и подумаешь, зато я был рядом с ней, мог поговорить и даже прикоснуться, если бы протянул руку. Но руку я не протягивал и, кроме «привет» пересохшими губами ничего из себя выдавить не мог. Общение с противоположным полом вроде было, по поводу учёбы в основном, но при виде Лены я робел и становился неуклюжим. Злился на самого себя, но ничего не мог с собой поделать.

Вот уже неделю мы готовили концерт к 23 февраля — «Дню красной армии и военно-морского флота». Лена должна была играть на пианино и петь патриотическую песню, а я помогал подвинуть пианино и расставлял остальные декорации. Но у меня был ещё один маленький сюрприз. Я научился жонглировать тремя мячиками. Пока мама была

на работе, тайком тренировался дома на яблоках и, в принципе, получалось вполне неплохо. Поэтому я выпросил у ведущего школьного вечера 1 минутку для показа своего трюка, пришлось даже продемонстрировать навыки и время на выступление было получено. Что ж, хоть так Леночка увидит, что я умею не только расставлять макеты деревьев по сцене.

В этот день всё шло не так, как надо. Сначала мама с этим шарфом, потом получил строгий окрик и злобный взгляд от математички на уроке, когда замечтался о том, как покажу свой номер на концерте и Лена скажет мне — «какой ты ловкий, Саша» и поцелует в щечку. А может и за руку возьмёт или попросит проводить до дому. Но математичка всё испортила, пришлось виновато смотреть в тетрадь и вникать в метод деления отрезка пополам.

После уроков я побежал в актовый зал на генеральную репетицию. В запасе ещё было минут десять. Чтобы портфель не мешал, заскочил в каморку, что за актовым залом, где и хотел его оставить и окаменел. Нет, ну конечно, в переносном смысле, хотя этот момент весьма спорный. И было от чего. Дверь в каморку открылась бесшумно и я упёрся взглядом прямо в задираемую школьную форму. Форма, несомненно, принадлежала девочке и в тот момент как раз верхней частью закрывала голову ученицы. Зато снизу открылся прекрасный вид на белые трусики. Самые обычные, ничем не приметные белые трусики, которые обтягивали красивую попу своей хозяйки. Платье пошло ещё выше и обозначило белые же лямки бюстгальтера, а потом показались волосы девушки и полностью голова. И эта голова почти сразу обернулась и уставилась на меня. Лена, конечно же, это была она. Девчушка тихонько ойкнула, развернулась ко мне всем телом и прижала платье спереди руками. И только тут меня отпустило. Я выскочил из каморки, обхватил портфель руками и вжался в стену. В спину донеслось растерянное «стучать надо» и что-то вроде всхлипа. Впрочем, меня заботило сейчас не это. Перед глазами стояла недавно увиденная картинка, сердце бешено колотилось, в штанах стало тесно. Нужно срочно охладиться. Я выскочил на улицу, захватив пальто и шапку из гардероба. На ходу застегнул пуговицы, промахиваясь мимо отверстий, на шею накинул злополучный шарф и забежал за угол школы.

Обычно здесь собирались старшеклассники из тех, кто курил и наши школьные хулиганы. Их все знали в лицо и по фамилиям, педагоги гоняли, если видели школьника, смолящего папироску, но это скорее было для проформы. В этот раз за углом стояли ребята незнакомые мне, да и выглядели постарше, чем ученики. Четыре здоровых лба, троим лет по 20, а лица одного видно не было из-за кепки, натянутой по самые брови. Как по команде, они развернулись в мою сторону на звук шагов. Ближайший ко мне, рыжий, с лицом усеянным веснушками сплюнул под ноги и спросил:

— Опа, это что за динамовец бежит?

Рыжий на вид был довольно крепким парнем и вопрос на шутку уж точно не походил, тем более, что я тут же получил от него несильный удар под дых. Дыхание сбилось, я инстинктивно качнулся верхней частью туловища вперёд и тут же получил ещё одну плюху, но уже лбом рыжего куда-то в район переносицы. Мир закрутился перед глазами, потом потемнел и снова включился, но с потерей резкости.

— Оставь его! — резкий окрик от парня в надвинутой на глаза кепке заставил меня вздрогнуть. Хотя, назвать его парнем было сложно. Скорее это был мужчина, лет 40—45.

— Серёга, но он же с динамовских... — начал было рыжий, но мужчина прервал его жестом руки и добавил:

— Рыжий, ты слепой? Это ж пацан. Ученик, школьник. Может ты завтра пойдёшь

детсадовцев избивать?

— Нет, я... , — залепетал рыжий.

— «Нет, я», — передразнил его мужчина, — мальчик, ты за кого болеешь?

Вопрос был явно обращён ко мне, но стремительные события не давали мозгу найти ответ. Я просто всхлипнул носом, провёл по нему рукой и понял, что нос разбит и лицо вымазано в крови.

— Ты немой что ли? — мужчина приподнял кепку и кажется слегка улыбнулся. Тёмные волосы, кое-где пробитые сединой и голубые-голубые глаза, пристально глядящие на меня придали немного храбрости.

— Нет, не немой. Ни за кого я не болею, я вообще болею редко, иммунитет хороший.

Хохот четверых раздался неожиданно, я даже отступил на шаг назад. Секунд 15 они смеялись, я уже было решил дать дёру, но мужчина, которого, видимо, и звали Сергей, спросил ещё раз, широко улыбаясь, отчего показались несколько золотых зубов:

— Футбол смотришь? Любимая команда есть?

— Ну, бывает, что смотрю, но если только наши против немцев каких-нибудь играют, а так обычно нет, мамка всё фильмы свои по вечерам смотрит, — я начинал понимать о какой «болезни» спрашивали ребята. — А шарф тогда чего бело-синий, динамовский? — спросил рыжий.

— Не знаю, какой был, такой и одел. Я и не знаю, какие там у них шарфы, телевизор то у нас чёрно-белый.

Я немного смутился, цветной телевизор мы себе позволить не могли, поэтому у меня всегда по полю бегали светлые и тёмные игроки.

— Вот видишь рыжий, ни за что человека обидел, — сказал Сергей, — извиняйся теперь.

Рыжий немного потупился и протянул мне руку.

— Семён, — представился он, — ты извини, я думал ты из этих, а мы с ними немного враждуем. Сами то мы за Спартак головы оторвём.

— Ясно, а я Саша. Мне нужно идти.

Ребята кивнули и я направился в школу. Уже сворачивая за угол услышал «иммунитет у него» и взрыв хохота. Только у входа в школу вспомнил, что нос разбит, быстро провёл ладошкой, кровь уже не капала, но умыться было нужно. По пути в туалет никто не попался, так что открыл холодную воду и начал тереть лицо. Нос болел, но беспокоило другое обстоятельство: на репетицию всё равно нужно было идти, а это значит, что опять встречу с Леной. Впрочем, мысли потекли уже более спокойно, просто скажу как есть, мол, случайно, извини. На том и порешил.

Когда зашёл в актовый зал, там уже собрались все выступающие и обсуждали какой-то момент. Дверь чуть скрипнула и на меня обернулся добрый десяток голов, а из толпы вышел худрук Виктор Павлович и направился прямо ко мне. «Видимо рассказала Леночка, сейчас огребусь», — подумал я. Художественный руководитель подошёл ко мне вплотную и пристально посмотрел в лицо. Я сжался от страха и ожидания хорошей взбучки.

— Ты что, подрался, Александр? — спросил Виктор Павлович. Я растерялся, казалось бы смыл все следы, а тут раскусили на раз-два. Так по совокупности своих сегодняшних приключений можно и пионерского галстука лишиться, да и с комсомолом вопрос встанет весьма остро, со всеми вытекающими.

— Нет, поскользнулся, ударился лицом, Виктор Павлович, — пробормотал я.

— Ну-ну, плавали — знаем, проходи давай, тебя ждём, — худрук подвинулся в сторону, пропуская меня.

Генеральная репетиция, она не такая как остальные. Здесь все уже в костюмах, всё отточено до мелочей, уже начинается лёгкий мандраж. Всё шло по накатанной, только Лена старательно не находилась рядом со мной и отводила взгляд, если наши глаза вдруг встречались. Я всё же собрался с духом и, улучив момент, подошёл к ней вплотную:

— Лен, ты это, извини, случайно вышло.

Она повернула голову в мою сторону, хлопнула ресницами быстро, скороговоркой выпалила:

— Хорошо, но только попробуй кому-то рассказать! И за тобой должок.

— Какой должок? — недоуменно спросил я.

— Скоро узнаешь, всему своё время, — шепнула Лена, улыбнулась и пошла в сторону пианино для отработки своего номера. Я же остался стоять, так и не поняв, что девчонка имела в виду.

Как и следовало ожидать, от разбитого носа в обе стороны под глазами расплылся фиолетовый синяк. Меня хотели отстранить от концерта, но применив все свои аргументы и доводы, и пообещав одеть огромные мамины солнцезащитные очки, всё же я остался участником праздника.

Дома мама повздыхала, увидев меня, но особо допытываться до причин смены цвета физиономии не стала. Мы в тишине поужинали, посмотрели выступление президента в «Прожекторе перестройки» и улеглись спать. Долго не мог уснуть, думал обо всём и ни о чём. Потом всё-таки провалился к Морфею. Во сне Лена смеялась и стягивала платье через голову. Её бельё было то белым, то синим, то бело-синим. Улыбаясь, она тихонько говорила: «Иди ко мне, мой динамовец, я проверю какой у тебя иммунитет». Потом Лена исчезала, но её смех не затихал, хоть и звук перемещался мне за спину. Обернувшись, заставал всё ту же картину — снятие платье, трусики, смех.

Утром проснулся совершенно разбитым и не выспавшимся. Мама уже была одета, обувалась у порога.

— Манная каша на столе в тарелке, хлеба себе отрежешь, очки у выхода на тумбочке. Смотри в школу не опоздай, — мама упорхнула за дверь.

Есть не хотелось, но через силу зачихнул в себя манку. Быстро натянул отглаженную школьную форму (и когда мама всё успеваает), умылся, взял портфель, очки и свои шарики для жонглирования и двинулся на учёбу.

Учителя делали вид, что не замечают мой боевой раскрас, одноклассники же, наоборот, отпускали шуточки про встречу в подворотне с хулиганами и про то, как я засмотрелся на девочку с соседнего двора и вписался лбом в столб. Впрочем, это мало меня трогало. Мысли уже были на концерте. Нужно произвести впечатление на Леночку, нужно выступить хорошо, нужно... Чёрт, нужно прекратить зацикливаться, иначе схлопочу двойку и настроение будет испорчено. С трудом взял себя в руки, время тянулось невероятно долго.

Концерт прошёл на «ура». Очки, правда, немного мешали при подбрасывании шариков, заслоняя обзор, но часы тренировок не прошли даром. Уходя за кулисы, заметил, что Леночка смотрит на меня и улыбается. Необходимый эффект достигнут. Зрители расходились, мы разбирали декорации. Неожиданно меня позвал Виктор Павлович:

— Саша, подойди, пожалуйста.

Я подскочил к нему и остолбенел. Рядом с худруком стоял тот мужчина, Сергей, заступившийся за меня за углом школы.

— Познакомься, это Сергей Александрович, тренер по боксу, чемпион мира... , — начал было Виктор Павлович, но был остановлен рукой Сергея, положенной на плечо.

— Можно просто Сергей, — сказал мужчина и, улыбнувшись, протянул мне руку.

Оказалось, что Сергею понравилась моя ловкость рук и то, что я никому не рассказал о происшествии за школой, да и не побоялся выступить с синяком под глазом. В общем, он позвал меня в свою секцию по боксу. Занятия проходили в другой школе, которая, впрочем, была ещё ближе к моему дому. Я пообещал переговорить с мамой и позвонить Сергею вечером на домашний телефон. Номер он мне продиктовал. На том мы и расстались. Сергей ушёл по своим делам, я продолжил разбирать сцену.

Как я и думал, разговор с мамой простым не оказался.

— Нет, нет и нет. Ты слышишь меня? Останешься без зубов или без мозгов, или без того и другого вместе взятого, — она выплёвывала аргументы один за другим, не желая слушать никаких моих доводов.

Вечером я позвонил Сергею и отказался от его предложения, хотя идея мне нравилась. Спортсмены обычно вызывают интерес у девушек, не то, что я. Пожонглировал разок и думал Леночка навек моя. Куда там, наверное теперь меня циркачом считает. Глупая была идея. А через полчаса в дверь позвонили. На пороге стоял Сергей с небольшим тортиком в руках. Я познакомил их с мамой и она пригласила гостя на чай. Однако меня с куском торта и кружкой чая довольно-таки быстро спровадили в свою комнату, едва Сергей заикнулся о боксе. С кухни, из-за закрытой двери слышались обрывки фраз: «лучше спорт, чем алкоголь и курение», «сотрясение мозга», «постоять за себя». Спорили взрослые недолго и негромко. Минут через 15 мама позвала меня в кухню.

— Саша, я разрешаю ходить тебе к Сергею Александровичу в секцию, но, если это не скажется на учёбе в худшую сторону. А, если сказать точнее, ты должен подтянуть свои отметки. В противном случае, я запрещаю заниматься боксом, — безапелляционно заявила мама. Сергей лишь согласно кивал, слушая её. А что я? Я, естественно, согласился. Потом Сергей ушёл, а мы, прибравшись, отправились спать. Мне казалось, что начинается новая жизнь. И я не ошибался.

Я никогда не был ленивым, но распорядок дня в последний год просто выжимал меня досуха. С утра учёба с обязательной подготовкой на завтра, домашнее задание, чтение учебников. Вечером, трижды в неделю, комбинировались боксёрские нагрузки и старенькие скрипучие тренажеры, на которых заниматься было тоже необходимо. В свободные вечера я обязательно болтался на турнике и подкачивал пресс. Глядя на фотографии годичной давности, я гордился собой. Кубики на животе, никакого жирка, сплошные жилы и мышцы. Да, оно того стоило. Бить грушу тоже стало самым обычным занятием. Хороший поставленный удар, парочка межшкольных соревнований, где я занимал даже призовые места. С этим небольшим успехом пришла и слава, меня стали замечать одноклассницы, девочки из параллелей и даже некоторые бойкие младшенькие порывались потанцевать со мной на очередной дискотеке в школе. Парни тоже показывали своё расположение ко мне, улыбались, протягивая руку для приветствия, задавали какие-то вопросы о спорте, пытаясь показаться знатоками. А я грезил о Леночке, жаль только взаимности от неё никак не проявлялось. Иногда мы пересекались взглядами, здоровались, но на этом всё. Тогда же у меня появились первые карманные деньги. Что-то выигрывал в боксе, да прибирался в тренажерном и боксёрском зале и Сергей

Александрович исправно платил за работу. Уровень самооценки подрастал и я, наконец-то, решился. На перемене взял Лену под локоть и, под удивлённые взгляды остальных учеников, отвёл её в сторону.

— Поймём сегодня вечером в кафешку? Угощаю мороженым, — пробормотал я, потому как уверенность в себе таяла пропорционально приближению ко мне объекту воздыхания. Сейчас вряд ли кто-то узнал бы во мне восходящую звезду школы. Я чертил носком ботинка на полу невидимую черту, как нашкодивший пацан и, покраснев, эту самую черту рассматривал. Лена взяла меня за подбородок, немного приподняла и заглянула в глаза:

— А пойдём! Я свободна после шести часов, Саш.

Нужно ли говорить, что часы во всём мире вдруг стали идти медленнее, словно заторможенные огромным магнитом?

Вечером я волновался и переживал. Первое в жизни свидание! Мама украдкой посмеивалась, стряхивала с костюма, купленного на выпускной, невидимые пылинки и волосинки и приговаривала:

— Вот ты и вырос, сынок. Вот и вырос.

И, хотя она улыбалась, но грустинки застыли в уголках маминых глаз. Задерживаются и ей нужна моя помощь. В чём помощь, Лена говорить отказалась наотрез, лишь сообщали, что в шесть часов я как штык должен быть у неё. Я не знал что и думать. Может ей нужно помочь пересадить цветок? Или передвинуть шкаф? А может налепить пельмени? До самого вечера я промаялся разными теориями, а Ленка как назло только улыбалась. Но в шесть часов я с небольшой коробкой конфет «ассорти» стоял у двери и жал на звонок квартиры.

Удивление, изумление, испуг, шок, обалдевание... Это далеко не все эмоции, которые я ощутил за несколько секунд после открытия двери. Лена, в одной майке, выше колен стояла и улыбалась. Потом, правда, выяснилось, что на ней были ещё и трусы, но это лишь потом. Сейчас её небольшие груди с острыми маленькими сосками топорщились через белую ткань, красивые открытые плечи и стройные ножки, обнажённые почти по то самое — запретное, производили ошеломляющий эффект. На ногах, словно набитых лоскутками ткани, я перешагнул порог и начал неуклюже разуваться, стараясь не смотреть на Лену. На улице было уже по майски жарко и я пришёл в одной футболке и шортах, и сейчас корил себя за это. Шорты приняли форму палатки и никак не хотели выглядеть по-другому. Пришлось вытащить футболку из штанов и максимально низко оттянуть её. Особо не помогло, но стало чуть легче. Лена взяла меня за руку и повела в свою комнату. Там нас встретил звук суперпопулярной группы Modern Talking. Пластинка немного поскрипывала, но выдавала хороший звук и песню на иностранном языке. Мы склеились в поцелуе, хотя нижнюю часть своего тела мне пришлось отодвинуть назад, во избежание протыкания живота Леночки.

Я несмело повёл руки со спины чуть ниже и только теперь понял, что трусики на месте. Подушечками пальцев, я ощущал резинки под майкой. Лена никак не отреагировала на мою наглость. Я осмелел и подсунил руки ей под майку в районе попки. Нежная, чуть прохладная кожа была такой приятной на ощупь, что хотелось гладить её бесконечно. Впрочем, под руками она довольно-таки быстро нагревалась, но менее приятной не становилась. Большие пальцы я завёл под нижнюю резинку трусиков. Лена подалась вперёд, наткнулась на мой член чем-то мягким и легко застонала, выпустив губы из поцелуя. Отошла от меня на шаг и легла на кровать, прикрыв глаза. Только дурак не понял бы, что время пришло. Я, вроде бы, дураком не был. Подошёл и встал на колени около кровати. Накрыл губы девушки своими, а

руками начал исследовать её тело. Грудки через майку, а потом уже под майкой, а потом майка улетела в дальний угол комнаты. Несмело руки пошли вниз, даря мне ощущения чего-то мягкого и податливого через трусики. Смелее туда. Волоски щекотят, а пальцы натываются на два пухлых валика, расходящихся в разные стороны, хранящие меж собой что-то липкое и влажное. Запах от этого вроде был, но охарактеризовать его я не смог. Приятный и необычный. Я заметил, что когда тру между валиками, Леночка прекращает целоваться, приоткрывает рот и закатывает глаза. Такая перемена в её поведении поначалу меня испугала, но потом дошло — девушке очень приятно. И всё же, когда минут через 10, тело Лены затрясло и она сильно сжала ногами мои пальцы, стало страшновато. Это продолжалось секунд 20. Спина неестественно выгнута, всё тело как струна, тяжелое дыхание и тихие короткие стоны. Я лихорадочно соображал, что же делать, но выхода не находил. А потом Леночка поцеловала меня, расслабилась и сказала лишь::

— Спасибо, Сашка..

— Ты в порядке, Лен? — понимаю, что вопрос звучал глупо, но в голову другого не пришло.

— Очень в порядке, очень, очень, — Лена лежала и улыбалась, глядя мне в глаза, — ещё никогда не было так хорошо.

Мы молчали. Не знаю, о чём думала Лена, а я о том, что члену в штанах уже больно от постоянной напряженности. Я, конечно, слышал про мужские способы доставить себе удовлетворение, но видимо из-за занятий спортом сам этим не занимался. А вот сейчас было бы очень кстати.

— Теперь твоя очередь, — из размышлений меня вырвал Ленин голос.

— В смысле?

— В самом прямом, дурачок, а то шорты порвёшь, — мне показалось или Лена шутила?

Через пару секунд понял, нет, не шутила. Член был надёжно захвачен девичьей ладошкой, прорвавшейся за защиту в виде трусов и шорт. Около десятка движений вверх-вниз и что-то внутри меня сжимается, а потом фокусируется внизу и так же резко разжимается.

Мы помыли некоторые части тела, пришлось даже немного сполоснуть мои трусы и вывесить их на балкон и лежали на кровати, болтая о чепухе. Вру, конечно, были и другие темы, причём весьма серьёзные. Я узнал, что Лена отдаст свою девственность только мужу. Узнал, что мастурбацией Леночка уже занимается не в первый раз, а вот оргазм был первым. Мы стали друг другу ближе и строили планы на будущее.

Выпускные мы сдали успешно, но придуманное будущее сбываться не захотело. Лену отправили учиться Ленинград, а я попал в армию. Сначала мы переписывались, а потом и эта ниточка оборвалась.